

УДК 316.42,913

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЛИНИНГРАДЦЕВ: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УБЕЖДЕНИЙ НА ВЫБОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

© 2021 г. О. И. Вендина^{а, *}, А. А. Гриценко^{а, **}, М. В. Зотова^{а, ***}, А. С. Зиновьев^{б, ****}

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

^бСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: vendina@igras.ru

**e-mail: antgritsenko@igras.ru

***e-mail: zotova@igras.ru

****e-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Поступила в редакцию 02.12.2020 г.

После доработки 12.02.2021 г.

Принята к публикации 27.04.2021 г.

Для исследований идентичности жителей Калининградской области характерно сочетание пристального внимания к идеологически значимым факторам ее формирования с его дефицитом к вопросам персональных убеждений и мировоззрения. В лучшем случае исследователи говорят о стереотипах общественного мнения и устойчивых мифологемах. Авторы статьи стремятся восполнить этот пробел, предлагая взглянуть на идентичность как на рефлексивный проект, поддерживаемый с помощью нарративов и контролируемый социальной практикой. Цель статьи — показать сдвиги в осмыслении окружающей действительности, произошедшие в калининградском социуме в начале XXI в., и выявить характер их влияния на самоидентификацию калининградцев. В работе авторы опирались на серию интервью, проведенных летом 2020 г. Результаты контент-анализа текстовых материалов сопоставлялись с выводами других исследователей и данными социологических опросов. Анализ показал, что для калининградского социума характерно наличие противоположных культурных феноменов: “запаздывания”, т.е. осмысления происходящих изменений в категориях, релевантных для предыдущей эпохи, и “опережения” — использования нарративов и практик, характерных для постмодерна. Авторы высказывают предположение, что достигнутый калининградским социумом уровень плюрализма, базирующийся на сочетании современных и традиционных ценностных установок, обеспечивает идентичности жителей области необходимую устойчивость. Однако противоречие между политикой удержания идентичности в рамках традиционных государственных представлений и рефлексивностью современного общества, в котором индивид не связан традициями и аскриптивными отношениями, может нарушить сложившееся равновесие.

Ключевые слова: Калининградская область, идентичность, рефлексивность, нарративы, ценности, социокультурный контекст

DOI: 10.31857/S2587556621040117

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к изучению идентичности жителей Калининградской области возник почти сразу после распада СССР и не ослабел до настоящего времени. Причины этого в особенностях геополитического положения региона и беспокойстве по поводу государственной лояльности калининградцев из-за тесных контактов с соседними европейскими странами. Украинские события и изменение Крымом своей юрисдикции показали: подобная тревога не беспочвенна. В условиях острых внутривнутриполитических кризисов непризнание населением своего государства действительно “своим” может сыграть роль решающего фак-

тора в реализации сценария самоопределения. Однако ситуация в Калининградской области лишь отдаленно напоминает крымскую. Здесь никогда не было ни проблем языковой конкуренции, ни межэтнического соперничества за право считать себя “исконными хозяевами земли”. Последнее немецкое население покинуло регион еще в начале 1950-х годов, а ностальгических туристов, приезжающих взглянуть на родину предков, вряд ли можно заподозрить в намерениях ее “вернуть”. Да и местные жители относятся к ним скорее с симпатией, нежели с предубеждением. Никто не ожидает ни массовой репатриации, ни реституции. Тем не менее сохраняющееся восприятие региона как “военного трофея” и неблаго-

приятное сравнение себя с европейскими соседями создают ощущение идеологической конкуренции за культурное доминирование. В последнее десятилетие эти эмоции спровоцировали информационную кампанию против “германизации” области в контексте угроз национальной безопасности¹. Ее сторонники и протагонисты исходят из представлений классической геополитики о реваншизме государств, по тем или иным причинам утративших часть своих территорий. Согласно этой логике, территориализация воображаемой прусско-германской идентичности и забота о восстановлении исторического наследия являются признаками культурной экспансии и основанием для легитимации гипотетически возможного изменения юрисдикции региона. Хотя политика укрепления национально-государственной идентичности через дискурсивное подавление угрозы суверенитету выглядит как инструментально оправданная, она имеет серьезные побочные эффекты – рост взаимной подозрительности, эрозию доверия, социальную разобщенность. Дело ведь не только в выраженности и демонстрации патриотических чувств. Многие, если не все, действия, поступки и привычки человека являются проявлениями его идентичности. Призывы к патриотизму и запреты на демонстрацию иных форм культурной лояльности остаются проформой и вызывают отторжение, если не опираются на прагматичные и вполне приземленные практики. Преувеличение роли идеологии и недооценка факторов повседневной жизни являются причиной провала многих проектов формирования “нужной” идентичности. Если с этих позиций взглянуть на ситуацию в Калининградской области, то становится заметно, насколько политизированы вопросы калининградской идентичности. Пристальное внимание к ее идеологически значимым компонентам сочетается с его дефицитом к вопросам мировоззрения и дискурсивного контекста. Мало что известно о социальных

убеждениях калининградцев – разделяемых ими идеях и представлениях, помогающих людям объяснять происходящее, еще меньше о подвижности подобных мыслительных схем, способных изменить взгляд человека на самого себя и других, интерпретацию событий прошлого и настоящего. В данной статье нам хотелось бы частично восполнить этот пробел. Ее цель – опираясь на сравнение материалов интервью, проведенных в августе 2020 г., и выводов социологов, полученных в более ранних исследованиях, показать сдвиги в осмыслении окружающей действительности, произошедшие в калининградском социуме в начале XXI в., и выявить характер их влияния на самоидентификацию калининградцев.

КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Идентичность относится к числу концептуально важных, широко используемых и одновременно размытых понятий, перегруженных смыслами. Первые исследования идентичности калининградцев трактовали ее как результат синтеза ценностных и эмоциональных представлений человека о своей принадлежности к различным общностям, выделяемым по принципу совместного проживания на конкретной территории. Наличие таких “воображаемых сообществ” (Андерсон, 2016) конкретизировалось через специфику геополитического положения региона, влияющего на поведенческие практики и образ жизни людей. Данный подход отвечает концепции идентичности, предложенной Эриком Эриксоном (Erikson, 1956), согласно которой в основе самоидентификации человека лежит осознание им целостности своей личности, формирующейся в определенных социальных и культурных обстоятельствах и базирующейся на осмыслении обретенного опыта. Многообразие проблем и социальных сред, с которыми сталкивается человек, предопределяет множественность и изменчивость его идентичности, а культурная определенность – ее устойчивость (Эриксон, 1996). Аналитическое преимущество концепции Эриксона – возможность вычленять отдельные компоненты самоопределения человека, например, российскую, европейскую или локальную идентичности, ранжировать их по социальной значимости, наблюдать динамику изменений и оценивать роль в формировании представлений, разделяемых в конкретном социуме.

Все эти преимущества в полной мере использовались в проводимых исследованиях. Регулярные опросы показывали устойчивость структуры идентичности калининградцев: преобладание региональной самоидентификации и постепенный

¹ Приведем взятые наугад примеры: Здесь была Deutschland. Как в Калининграде бизнесмены борются с прокуратурой за немецкий язык. Независимый информационный портал “Холод”, 06.11.2020. https://holod.media/2020/11/06/hier-war-deutschland/?utm_source=lch&utm_medium=vk&utm_campaign=Int (дата обращения 13.11.2020); Реваншистские мифы о Калининграде кажутся смешными, но они формируются. НьюсБалт, 09.12.2019. <https://newsbalt.ru/news/2019/12/09/revanshistskie-mify-o-kaliningrade/> (дата обращения 13.11.2020); Германизация по-калининградски. After Empire, 31.01.2019. <https://afterempire.info/2019/01/31/germanizaciya/> (дата обращения 13.11.2020); “Германский порядок” в Калининградской области наступил: завтра оккупация? ИА REGNUM, 15.12.2016. <https://regnum.ru/news/polit/2218090.html> (дата обращения 13.11.2020); “Облизывание немецкого”: как калининградские СМИ боролись с “германизацией”. Новый Калининград, 12.10.2017. <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/15280621-oblizyvanie-nemetskogo-kak-kaliningradskie-smi-borolis-s-germanizatsiyey.html> (дата обращения 13.11.2020).

рост ее российской составляющей. Опцию “россияне, граждане России” в 2001 г. выбирали 25% опрошенных жителей Калининградской области, а в 2015–2016 гг., по одним данным, — 41%², а по другим, — 60% (Лёвкина, Алимпиева, 2015; Мартынова, Григорьева, 2018а; Российский ..., 2017; Klemeshev et al., 2017). Среди объяснительных факторов упоминались относительная изолированность региона, затрудненность контактов с основной территорией страны в сравнении с частотой и легкостью поездок в соседние Польшу и Литву, подвижки в составе населения области в результате миграций. Недавние приезжие из других регионов РФ и стран СНГ чаще называли себя россиянами, нежели калининградцы³.

Несмотря на ясность и логичность этой картины, она оставляла чувство неудовлетворенности. Возражение вызвала, во-первых, избыточная объективация групп, выделяемых по принципу разделяемой идентичности. Подчеркивалась множественность, нестабильность и принципиальная незавершенность идентичности человека, условность и проницаемость межгрупповых границ. В рассуждениях о калининградской идентичности все чаще стал использоваться термин “идентификация” (Brubaker, Cooper, 2000), подразумевающий гибкость и ситуативность представлений людей (Берендеев, 2007; Дробижева, 2017; Кузнецов, 2017; Лёвкина, Алимпиева, 2015).

Во-вторых, согласно результатам многолетних исследований Института социологии РАН, российская идентичность — одна из наиболее распространенных коллективных идентичностей в стране, но она далеко не всегда является приоритетной и более того — оторефлексированной (Дробижева, 2017). Если верить Самюэлю Хантингтону, то “естественная” иерархия самоидентификаций, отражающая тесноту связи человека с различными территориальными общностями, выстраивается в соответствии с приоритетностью локальной, региональной и лишь затем национально-гражданской (страновой) идентичности. Локальная солидарность всегда значимей общегосударственной, за исключением случаев мобилизации населения против разнообразных внешних

угроз (Хантингтон, 2008). Поэтому беспокойство по поводу слабости российской идентичности может быть надуманным, и имеет смысл анализировать не столько номинативные отношения (калининградец или россиянин), сколько содержательную наполненность идентичностей и прочность возникающих ассоциативных связей.

В-третьих, в проведенных исследованиях очень слабо учитывались субъективные факторы. Так, сравнительно низкая приверженность российской идентичности в первое постсоветское десятилетие могла объясняться не только кризисной ситуацией в области и новизной ее геополитического положения, но и слабой освоенностью термина “россияне”, который и сегодня воспринимается неоднозначно. Не говоря уже о том, что ограниченность мировоззрения человека узкими рамками своего жизненного круга — типичная черта провинциального социума. Сходным образом рост числа жителей Калининградской области, разделяющих российскую идентичность, может объясняться не только укреплением гражданского самосознания и миграционным притоком населения из других регионов России, но и атмосферой политического недоверия и опасений, созданной кампанией по борьбе с “германизацией”.

Внимание к социокультурному контексту формирования идентичности высвечивает важность ее когнитивных (знание, информация) и рефлексивных (обращенность на себя) аспектов. В мире информационной насыщенности и изменчивых дискурсивных практик множественность интерпретаций одних и тех же событий и фактов становится нормой. Вера в наличие неизблемых принципов, культурных кодов и традиционных ценностей, которая раньше определяла целостность личности и устойчивость социума, прогрессивно слабеет. Многообразие точек зрения, ни одной из которых до конца невозможно доверять, даже если она подкреплена научным знанием и неоспоримыми авторитетами, заставляет человека во всем сомневаться, включая самого себя. Ответ на вопрос — кто я и как я хочу, чтобы меня воспринимали другие, никогда не бывает окончательным и зависит от вновь поступающей информации и социокультурного контекста. Интуитивно эту мысль в приложении к Калининградской области выразил Михаил Берендеев (2007, с. 129): «Человек, считающий себя “калининградцем”, через две минуты, в другой ситуации, с не меньшей убежденностью может характеризовать себя в качестве “европейца”, а утром следующего дня ... как “россиянина”». Другими словами, идентичность предстает не как отражение множественных свойств личности и не как результат отождествления себя с определенной группой или социальной ролью, а как

² Социолог Ефим Фидря: “Отдельная калининградская идентичность — это миф”. Новый Калининград, 02.12.2016. <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/11797648-sotsiolog-efim-fidrya-otdelnaya-kaliningradsкая-identichnost-eto-mif.html> (дата обращения 13.11.2020); Менее половины жителей Калининградской области ощущают себя жителями России. ИА “Русский Запад — Калининград”. 02.10.2015. <https://ruwest.ru/news/48353/> (дата обращения 13.11.2020).

³ Опрос жителей города Калининграда, октябрь 2018. Исследовательская компания “КМГ”. <http://kmggroup.ru/2018/11/16/opros-zhitelej-goroda-kaliningrada-oktyabr-2018/> (дата обращения 13.11.2020).

производная от практики, пережитого опыта и множественности выборов, как рефлексивный проект, поддерживаемый с помощью нарративов и контролируемый социальными порядками и привычками. Чем более современным является общество, тем в большей мере индивид поглощен собой, и тем меньшую роль в регулировании социальных отношений играют традиции и социальные предписания (Гуревич, 2010; Alexander, 1996; Archer, 2007; Beck et al., 1994; Giddens, 1991; Chaffee, 2019; Craib, 1998).

Концепция “рефлексивной идентичности” (Beck et al., 1994; Giddens, 1991) в наибольшей мере отвечает замыслу данной статьи, поскольку позволяет пояснить механизмы влияния сдвигов в социальных представлениях калининградцев на их самоидентификацию. Планируя исследование, мы хотели погрузиться именно в дискурсивную реальность, сопоставив затем взгляды и оценки людей с демографическими, социально-экономическими и социологическими фактами.

Основным методом работы был контент-анализ интервью, проведенных в августе 2020 г. с представителями экспертного сообщества Калининградской области. В число наших собеседников входили журналисты, социологи, историки, гражданские активисты, предприниматели, музейные работники, сотрудники региональной и муниципальных администраций, то есть люди, формирующие информационную повестку и влияющие на интерпретацию событий.

Был разработан гайд интервью, который включал следующие блоки вопросов:

- основные проблемы региона и населенного пункта, стратегии их решения, принятые на уровне администраций и практикуемые местными жителями;
- определение “особости” Калининградской области в сравнении с Россией и соседними европейскими странами;
- характеристика отличительных черт местного социума, отношений между людьми, привычек и образов жизни;
- социальная активность и пассивность, вовлеченность людей в общественные инициативы и/или устраниение от общественной деятельности;
- особенности и география контактов, мобильность и жизненный опыт;
- отношение к культурному наследию и реализованным проектам по его сохранению и поддержанию.

Тематическая структура интервью строго выдерживалась, хотя задаваемые вопросы корректировались в зависимости от сферы деятельности и

компетенции наших собеседников. Мы также просили их объяснить такие противоречия калининградского социума, как: “живут в России, но чаще бывают в соседних странах”, “живут сравнительно хорошо, но чувствуют себя плохо”, “разделяют антизападные настроения, но дружат с западными соседями”, “дорожат немецким культурным наследием, а советское — не берегут и наследием не считают”, и прочие. Всего по единому гайду было проведено 30 интервью. Экспертные мнения сравнивались с интерпретациями результатов опросов, проведенных в разные годы. Различия оценок рассматривались нами как симптомы сдвигов, происходящих в общественном сознании. Мы отдавали себе отчет в проблематичности широких обобщений на основе единичного полевого исследования, поэтому оно рассматривалось нами как пилотный проект для разработки программы дальнейшей работы.

“ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ РЕГИОН”

Рассуждения о Калининградской области как переселенческом регионе предваряют почти каждое исследование, посвященное ее социально-экономическим, демографическим, культурным и политическим проблемам. Переселенческий нарратив настолько глубоко пропитал общественное сознание, что формула “здесь все приезжие” стала восприниматься как непреложная истина и готовое объяснение на все случаи жизни. Данный аргумент приводится и когда речь идет о разобщенности и безынициативности калининградцев (*Если вы приезжие и возможно завтра уедете, то не то что вы будете на чемоданах сидеть, но строить что-то капитальное вы точно не будете. Зачем?! (м., журналист)*), и когда в более позитивном ключе отмечается низкий уровень антимигрантских настроений (*Вы пытаетесь перенести свои московские представления на нашу область, а у нас нет никакой мигрантофобии, потому что здесь все приезжие и в каждой семье есть опыт миграции (ж., профессиональный социолог)*).

Однако исторические факты, данные переписей и социологические опросы рисуют иную картину. Собственно “переселение” — замещение немецкого населения советским, преимущественно, русскими — состоялось в первые послевоенные годы (Костяшов, 1996; Кретинин, 2015; Мартынова, 2014а). Это была стрессовая миграция, основную массу переселенцев составляли обездоленные и измученные войной люди (Костяшов, 2009). Условия жизни на новом месте также не были “сахарными” (Восточная ..., 2018), хотя сегодня бывшие проблемы стерлись из памяти, а рассказы о высоком довоенном уровне жизни в регионе, вызвавшем у первых переселенцев

смешанные чувства восхищения и фрустрации, довольно распространены.

В следующее сорокалетие ситуация стабилизировалась. Главным фактором, определившим демографическую динамику, стали не миграции, а естественный прирост населения. За эти годы успело родиться, вырасти и родить своих детей новое поколение калининградцев.

Вторая волна массовых миграций была связана с распадом СССР, вначале она имела форму “исхода” русского и русскоязычного населения из Казахстана, соседних балтийских государств, стран Кавказа и Средней Азии. Им на смену пришли трудовые мигранты и выходцы из других регионов России, которые рассматривали Калининградскую область как место для жизни, плацдарм для бизнеса, карьерного роста и, возможно, дальнейшей миграции “на Запад”. Одновременно регион начал терять население в миграционном обмене с Москвой, Московской областью, Санкт-Петербургом и своими соседями — Литвой и Польшей.

С середины 2000-х годов наметилась новая миграционная волна, компенсировавшая отток населения. Речь уже шла о миграционных выгодах, а не стрессах. Появилась категория “новых” переселенцев — бывших соотечественников, получающих государственную и региональную поддержку при смене гражданства и переезде в РФ. Заметно увеличилась доля пенсионеров, перебирающихся сюда после завершения своей трудовой деятельности “на северах” или в других ресурсных регионах страны⁴. Выросло значение сезонных миграций, связанных с покупкой жилья в курортной зоне для собственного проживания в летний период или получения рентных доходов от туризма. Но как бы там ни было, и сколь бы ни велика была роль миграций, доля местных уроженцев среди жителей области росла на протяжении всего послевоенного периода.

Согласно переписи населения 1989 г., она составляла 40%, 2002 г. — 48%, 2010 г. — превысила половину жителей, а к 2015 г. достигла 60% (Абылкаликов, Сазин, 2019). Среди молодых поколений показатели были еще выше: 82% для родившихся в 1980–1984 гг., и уже 91% — в 1990-х (Абылкаликов, Сазин, 2019, с. 41). Близкие значения дают и социологические опросы⁵. Причем все исследователи подчеркивают: калининградцы несравнимо чаще ассоциируют регион со

“своей землей” и “родным краем”, нежели “островом” или “анклавом”.

Казалось бы, есть все основания говорить об укорененности жителей Калининградской области, вкладывая в это понятие социологический (длительность проживания, наличие межпоколенческих связей, общего опыта, памяти, локальной и региональной идентичности), а не этнографический (коренные народы, аборигены, автохтонное население) смысл. Разница между этими подходами принципиальна, хотя оба они связывают с укорененностью представление о заинтересованности людей в локальном и региональном развитии, доверии и солидарности.

Приведем пример, показывающий эффект, производимый смешением понятий. Так, в работе авторитетных калининградских исследователей читаем: «Переселенческий характер населения, как в прошлом, так и в значительной степени в настоящем, к тому же известная “гарнизонность” региона, не способствуют формированию автохтонного населения области» (Андрейчук, Гаврилина, 2011, с. 73). Однако автохтонное население современной Калининградской области было уничтожено или ассимилировано еще во времена первых крестовых походов, и сегодня вряд ли найдутся силы, способные его возродить. Довоенные жители региона тоже не были автохтонами, хотя и были старожилами, имевшими за плечами длинную историю смены поколений. Ощущение неукорененности нынешних калининградцев создается не только миграциями и упомянутой гарнизонностью, но и доминированием нарратива “здесь все приезжие”. Фактически калининградская идентичность жителей региона ставится под сомнение постоянно воспроизводимым дискурсом переселенцев, не совсем уверенных в своих правах и своем будущем. Тот факт, что Калининградская область, будучи переселенческой, уже давно не является регионом “приезжих”, плохо отрефлексирован. Привычность господствующей мыслительной схемы деформирует восприятие современных реалий.

Этот тезис хорошо иллюстрируют газетные публикации, посвященные исследованию демографической динамики населения области. В них даже рост численности местных уроженцев — по-

⁴ “К нам едут люди небедные”: ИО Главы Калининградской области Антон Алиханов рассказал Екатерине Даниловой о причинах привлекательности региона для пенсионеров. Журнал “Огонек”. № 15. 17.04.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3267573> (дата обращения 13.11.2020).

⁵ “Калининградская проблема” в зеркале общественного мнения. Аналитический обзор. М.: ЦИРКОН, КСЦ, 2002. http://www.zircon.ru/upload/iblock/f7d/Kaliningradskaia_problema_v_zerkale_obshhestvennogo_mnenija.pdf (дата обращения 12.11.2020); Российский фронт: гражданская идентичность на передовом рубеже страны. 2017. М.: ЦИРКОН. http://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiiskij_frontir_Analiticheskij_otchet.pdf; (дата обращения 02.11.2020). Дрейф общественного мнения или калининградцы 16 лет спустя. 2019. Исследовательская компания “КМГ”. http://kmggroup.ru/wp-content/uploads/2019/09/Forgo_doc.pdf (дата обращения 09.11.2020).

зитивный факт с точки зрения преодоления неукорененности, преподносится как проблема⁶. Предполагается, что у второго и третьего поколения калининградцев слабеет потребность в контактах с родственниками, живущими в других регионах России, что может повлечь за собой нарастание рисков изоляционизма, сепаратизма и прочее. Хотя подобные умозаключения являются результатом аналитической односторонности, будучи пропущенными через медийные фильтры, они предстают как угрозы и актуализируют дискурс безопасности. Возникает ситуация “королевства кривых зеркал”, которая, как в известной книге, загоняет внутрь реальные проблемы и вынуждает людей избегать их обсуждения, разрушая позитивные основы идентичности.

“ДРУГИЕ РОССИЯНЕ”

Уже первые исследования идентичности калининградцев показали распространенность взгляда на самих себя и региональный социум как на “особых россиян” (Задорин, 2018; Калашников, Будилов, 2019; Калининградская ..., 2002; Клемешев, Федоров, 2004; Мартынова, 2014б). Свою роль в таком самоопределении сыграли обстоятельства места и времени, которые, с точки зрения местных жителей, позволили им усвоить европейский стиль жизни и стать более “цивилизованными” (Алимпиева, 2003, 2009). Среди основных причин такой трансформации называются доступность и частота поездок за границу, массовое обладание загранпаспортами, ориентация на модели потребления и моды, предлагаемые в соседней Польше. Такие утверждения, как *наша Икеа в Гданьске* (ж., сотрудник администрации); *для нас, конечно же, Европа была и остается огромным торговым центром* (м., журналист); *аэропорт Калининграда в Гданьске, берете билет за 10 евро и летите* (ж., редактор), интерпретировались как знаки принадлежности к европейскому культурному ядру. Вкупе с немецким прошлым региона и преобладанием у жителей региональной самоидентификации такой взгляд на вещи дал основания для рассуждений об уникальном “калининградском этнокультурном феномене” (Андрейчук, Гаврилина 2011; Шахов, 2002, 2017). Не останавливаясь на научной состоятельности

такого подхода⁷, заметим, что выработанная в его рамках терминология обрела популярность. Метафоры “российские европейцы”, “европейские россияне”, “калининградский этнос”, “русобалты” стали широко использоваться в других исследованиях и медиа, влияя на общественное мировоззрение.

Однако обращение к сюжету “особого” калининградского социума и калининградцев как “других” россиян выглядело бы повторением известного, если бы на этом фоне не обозначилась иная тенденция. Судя по публикациям, с середины 2010-х годов начала расти влияние диаметрально противоположного нарратива — калининградцы ничем не отличаются от других россиян. Те же опросы, в которых основное внимание привлекалось к самоопределению калининградцев как “европейцев”, показывали их принадлежность единому российскому культурному континууму⁸. Среди основных черт, приписываемых калининградцами самим себе, фигурируют те же характеристики “русского человека”, которые устойчиво воспроизводятся в любых исследованиях на эту тему: от “простые”, “добрые”, “культурные” и “отзывчивые” до “ленивые”, “пьющие” и “безынициативные”⁹. Набор ценностных ориентиров калининградцев также не содержит неожиданностей: как и в других регионах страны, материальное благополучие и ощущение стабильности ценятся ими выше интересной работы, новых впечатлений, свободы и возможностей самореализации (Вендина, 2016; Кузнецов, 2016, 2017). Структурные отличия в системе ценностей объясняются поколенческими, а не географическими факторами, основные подвижки свойственны молодым возрастам (Кузнецов, 2017; Мартынова, Григорьева, 2018б). Поэтому неудивительно, что “открытие” значительного сходства между жителями Калининградской области и других регионов России делалось людьми, юность и молодость которых пришлась на годы безраздельного господства дискурса личности региона. Можно сказать, что маятник калининградской идентичности качнулся в другую сторону:

⁶ Калининград отдален. Как демографические тренды усиливают изолированность эксклава. iQ.HSU.RU. 16.09.2019. <https://iq.hse.ru/news/306915233.html> (дата обращения 13.11.2020); Демографы ВШЭ: Калининградская идентичность может “замкнуться в себе”, усилится чувство оторванности от России. KGD.RU, 17.09.2019. <https://kgd.ru/news/society/item/84725-demografy-vshje-kaliningradskaya-identichnost-mozhet-zamknutsya-v-sebe-usilit-syachuvstvo-otorvannosti-ot-rossii> (дата обращения 13.11.2020).

⁷ Блестящий анализ практики искусственного конструирования этничности дан в исследовании К.А. Гавриловой (2018) на примере “автономной этнической общности” пинежская чужь.

⁸ Опрос жителей города Калининграда, октябрь 2018. Исследовательская компания “КМГ”. <http://kmggroup.ru/2018/11/16/opros-zhitelej-goroda-kaliningrada-oktyabr-2018/> (дата обращения 10.11.2020).

⁹ Русский характер. ВЦИОМ. Аналитический обзор. 24.08.2020 г. Wciom.ru <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-russkij-kharakter> (дата обращения 13.11.2020).

— Мне каждый год приходится организовывать несколько мероприятий, и я, честно говоря, вообще не вижу никакой разницы между нами и жителями, скажем, Курганской области. Вообще и никакой (м., научный сотрудник);

— Мы здесь больше ориентированы на запад, а не на восток.... Я мало ездил по России. "... Мой первый большой выезд был во Владивосток, три года назад. Мы сутки летели. Едем на такси в город, и таксист начинает рассказ местного для приезжих. И через где-то 15 минут я понимаю, что у меня де-жавю, что он поет ту же песню, что и я, когда встречаю гостей. Что российская история здесь небогатая, недлинная, что когда-то были какие-то чудесные люди чжурчжэни, которые в XIII веке делали трепанацию черепа. "... У нас — пруссы. Далее идет рассказ о Москве "кровопийце", и что у нас есть все ресурсы, чтобы жить припеваючи. "... Все три недели, что мы были во Владивостоке, я находил какие-то параллели. Я видел эти дома и не понимал, почему они такие похожие. ... Затем в процессе разговоров выясняется, что их построили немцы. И я постепенно понимаю, что мы очень разные и очень близкие. Для меня это было открытием, потрясением, что на разных концах этой огромной страны, которую я, по-честному, все это "там", не воспринимал как свою Родину. Здесь — да, а там — нет. И вдруг, все эти три недели я себя чувствовал "дома". Я проникся тем, что я русский человек, и мне это интересно стало, исходя из того, что я увидел там, а не здесь ... (м., предприниматель).

Приведенные выдержки из интервью (а ограниченность объема статьи не позволяет привести и другие примеры) хорошо иллюстрируют тезис о рефлексивной природе идентичности и значимости дискурсивного контекста как условия ее формирования и поддержания.

"ЧУЖАЯ КУЛЬТУРА" И "СОВЕТСКОЕ ВАРВАРСТВО"

Наследство, доставшееся Калининградской области от различных исторических эпох, богато и разнообразно, в этот багаж, среди прочего, входят и диссидентские настроения. Они были широко распространены в брежневское время, но, как правило, не выходили за пределы дружеских кружков и кухонных разговоров. В постсоветскую эпоху накопленное недовольство выплеснулось наружу, обретя значение выстраданной правды. Приоритетность частной жизни человека стала рассматриваться как столь же фундаментальный политический принцип, что и господствовавший совсем недавно догмат общественных интересов. В этой логике действия советской власти интерпретировались как ошибочные и антигуманные. Все советское становилось "варвар-

ством", а все досоветское и несоветское рассматривалось как "культура". И в ставшем свободным обществе началось публичное обсуждение остатков чужой культуры, чудом сохранившихся в период советского варварства (м., научный сотрудник). Эта точка зрения захватила пространство социального воображения, она неоднократно нам транслировалась в многочисленных рассказах о разрушении дренажной системы польдерных земель региона, растаскивании кирпича соборов на строительство свинарников и сараев, сносе руин королевского замка в центре Калининграда, вырубке старых деревьев и прочее. В этой парадигме все советское категорически лишалось признаков "культуры".

— Я не могу себе представить какую-то определенную калининградскую, не кёнигсбергскую, а калининградскую архитектуру. Ее не существует. Не существует калининградской архитектуры! (м., журналист).

Пожалуй, единственная тема, не подвергнутая ревизии с диссидентских позиций, была Великая Отечественная война. Война оставалась нетронутой частью советского прошлого, в которой "чужая культура" вскормила нацизм, а советская — позволила раздавить "фашистских варваров в их логове". Однако этот дискурс за постсоветские годы был подорван "сказанием о двух тоталитаризмах", активно продвигаемым Польшей и странами Балтии. Уравнивание советских и фашистских "варваров" встречало вполне понятное сопротивление калининградцев: тень "палачей" в этой легенде ложилась не только на довоенных, но и на нынешних жителей области, их родителей, бабушек и дедушек. Несмотря на всю критику советского режима и неприятие сталинизма, они вовсе не считали его равноценным нацизму.

— Я не хочу даже лезть в этот вопрос, но я бы не стала сравнивать Гитлера со Сталиным. Это моя точка зрения. Гитлер для меня — это страшная фигура, Сталин, я тоже не скажу, что идеальная. У меня дед в 42-м году в Архангельской области, ну, он по навету был осужден, репрессирован, только недавно нашла, где он умер (ж., работник библиотеки).

Не многим лучше обстоят дела и с оценкой настоящего. Германия за послевоенные годы превратилась из проклинаемой страны в образец процветающего и справедливо устроенного общества.

— Германизация, это не когда вздыхаешь, глядя на руины, копаешь в земле какие-то черепки. Германизация, это когда, ... вот у меня знакомый работает в Германии на заводе БМВ. Он живет в 120 км от завода, встает в полшестого утра, ... очень быстро едет по автобану, который очень хорошо построен. В своей дорогой машине. Высокопо-

ставленный специалист. В семь утра он начинает работать. Он в семь утра не кофе пьет, не сидит со своими коллегами, он работать начинает в семь утра. И работает до шести вечера. Вот это — германизация (м., предприниматель).

Это видение ретранслировалось и в прошлое региона. Аграрная, сохраняющая многие черты феодализма Восточная Пруссия рисовалась нашими респондентами как чуть ли ни наиболее развитая часть предвоенной Германии. Чем дальше в историю отодвигалось воображение, тем более романтической она представлялась. Прошлое было населено рыцарями, принцессами и хорошо одетыми господами. Чтобы его увидеть и восхититься, достаточно было купить довоенные открытки и альбомы фотографий. Такая аберрация зрения во многом объясняется тем, что послевоенные поколения калининградцев перестали относиться к окружающему их культурному ландшафту как “чужому”. Здания, монументы, городские руины и даже столетние деревья — свидетели истории, стали реперами самоидентификации россиян. Их сохранение воспринималось в контексте поддержания цельности собственной личности, а не стремления обнаружить в себе прусса, защитить “прусский дух” и “чуждые ценности”. Хотя рост интенсивности переживаний человека по поводу места собственной жизни был характерен для всех уголков страны, только в Калининградской области он породил центральную проблему идентичности. Не столько переселенческий характер региона, сколько перегруженность интерпретаций локальной истории антинацистскими и антисоветскими смыслами лишили калининградскую идентичность опоры в прошлом, породив двусмысленность и нигилизм.

Преодолеть кризис “исчезновения” исторической непрерывности, который обесценивал жизнь предшествующих поколений, позволил постепенный отход от идеи противопоставления “культуры” и “варварства”. В последнее десятилетие все большее влияние начал обретать нарратив региона как культурного перекрестка, пройденного многими народами, оставившими здесь свой след. Он позволял избегать крайних оценок и встраивать отдельные эпизоды истории одновременно в российский и европейский контекст.

— Я вообще стараюсь на эту тему не говорить — хорошо или плохо, потому что это этапы истории. Хорошо или плохо, что Германия пала в войне, Кёнигсберг был разрушен. Это ... историческая правда, которая была запущена цепочкой событий. Оно так сложилось. Хорошо или плохо, что кёнигсбергский замок уничтожен? Ну, с точки зрения культурологической, конечно, катастрофа, конечно, это плохо. Но с точки зрения цепочки событий, это все

закономерно. Так получилось, потому что оно так было запущено, так произошло. Тот же Дом Советов, ... у нас есть целая прослойка людей, которые говорят, что это уродство города, я так не считаю. ... Кстати, я не могу сказать, что и замок был архитектурным шедевром. ... В нем была заложена символика определенная. Он был символом одного, а Дом Советов — символ другого, и как я могу сказать — это хорошо или плохо (м., архитектор).

В этих рассуждениях доминирует идея времени, вовлекающего все и вся в свой водоворот, которая противопоставляется парадигме места как культурной почвы, делающей россиян навсегда “чужими” и “приезжими” в Калининградской области. Логика цепочки событий превращает случайности в закономерность и снижает накал политических страстей, но приводимые аргументы рискуют повиснуть в пустоте без поддержки локальной конкретикой. Такая опора была найдена в частной жизни человека и сопровождающей ее рутине повседневных забот. Дискурс приоритетности интересов человека, который в начале постсоветской эпохи служил преимущественно целям обличения советского режима, пробудил неподдельный интерес к бытовым мелочам, чувствам и мыслям людей.

Наглядный пример — история публикации фундаментального труда “Восточная Пруссия глазами советских переселенцев”. Книга по научному методу и представленной информации была революционной для советской историографии и находилась в русле понимающей социологии, ставящей во главу угла вопросы самосознания людей. Ее издание, вначале поддержанное региональной администрацией, было ею же остановлено из-за несоответствия фактов устной истории официально одобряемым взглядам на события¹⁰. Но все же сокращенная версия книги вышла малыми тиражами сначала в Германии в 1998 г., затем в Польше, Санкт-Петербурге и в 2002 г. в издательстве Калининградского университета. Только спустя двадцать лет полный и содержащий большое количество фотографий фолиант увидел свет в областной типографии (Восточная ..., 2018).

История мытарств “истории переселенцев” в полной мере отражает трансформацию разделяемого калининградцами мировоззрения: стало важным не забыть прошлое, а вспомнить все, что было. Рефреном публичных презентаций книги звучали рассуждения о бесценности свидетельств

¹⁰ “Было ощущение временности пребывания и особо чувствовалось, что мы чужие здесь”. В Калининграде выходит новое издание легендарной книги “Восточная Пруссия глазами переселенцев”. Информационный портал Клопс. <https://special.klops.ru/pereselenie> (дата обращения 13.11.2020).

очевидцев и предложения собирать воспоминания друзей и родственников не только о войне и послевоенном времени, но и эпохах “оттепели” и “застоя”. Тут же обнаружилось, что *современные школьники и молодежь не умеют разговаривать со своими близкими, не знают не то что историю страны, не знают историю семьи* (ж., социолог). Были проведены обучающие семинары и в результате собрано около 200 ч интервью с рассказами о повседневной жизни в советское время. Деполитизация регионального исторического нарратива способствовала тому, что семейные предания вышли в публичное пространство, населили его и “одомашнили” среду городов и поселков области: этот процесс оказался не менее выстраданным, чем диссидентская правда о советском режиме.

Переосмысление локальной истории через события частной жизни вначале коснулось немецкой специфики региона. Все-таки, на взгляд калининградцев, это была “культура”. Наиболее яркий пример — открытие в 2014 г. музея-квартиры AltesHaus, рассказывающего о жизненном укладе горожан довоенного Кёнигсберга. Затем тренд очеловечивания локальной истории начал распространяться и на советское прошлое. Создатели музея немецкой повседневности задумали показать также сложность устройства советского общества, разнообразие стилей и образов жизни калининградцев. Такая концепция далеко выходила за рамки клишированных представлений о советских людях как неразличимой серой массе. Новая экспозиция, сопровождаемая записями устных рассказов, должна дать представление о жизни в калининградской коммуналке, где в тесном пространстве трехкомнатной квартиры сталкивались разные поколения и носители разных убеждений — семья моряка-китобоя с женой, дочерью-студенткой и сыном-подростком и представитель местного андеграунда, который слушает “вражеские” голоса, смотрит польское телевидение и занимается фарцовкой. Хотя по сравнению с информационной кампанией по борьбе с “германизацией” — это маленькие проекты, их влияние на калининградскую идентичность велико, прежде всего, потому что они позволяют людям почувствовать и прочувствовать эту землю как “свою”, а не “чужую”.

ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

Приступая к исследованию, мы ставили перед собой цель показать особенности и подвижность контекста формирования калининградской идентичности и высветить роль неидеологических факторов, таких как жизненный уклад, обыденные нарративы и личный опыт, в переосмыслении челове-

ком представлений о себе, “своем” социуме и других. Контент-анализ интервью, проведенных со специалистами, формирующими региональную информационную повестку, подвел нас к следующим выводам.

Во-первых, калининградскому социуму свойственна значительная сложность и внутренняя неоднородность: наряду с массово разделяемыми представлениями здесь сформировался целый ряд альтернативных социальных убеждений, позволяющих людям по-своему осмысливать и переосмысливать общественные и политические реалии. Привнесению новых взглядов на привычные вещи способствуют активные трансграничные контакты наиболее мобильной части жителей региона, а их диффузии и наполнению калининградской идентичности новыми смыслами — компактность территории и тесные внутрирегиональные связи. Динамичность и слабая контролируемость происходящих изменений вызывает беспокойство правящих элит и актуализирует задачи удержания привычного социального порядка. Основная ставка делается на политику секьюритизации. В результате многие важные для местного социума неполитические проблемы, связанные в том числе и с вопросами культурного наследия и исторической памяти, политизируются, превращаются в угрозы безопасности и выводятся из поля общественных обсуждений.

Во-вторых, успешность политики сдерживания изменений калининградской идентичности с помощью дискурсивных инструментов во многом определяется инерцией и распространенностью феномена “культурного запаздывания”. Спустя четверть века советские и антисоветские представления все еще остаются востребованными, сохраняя влияние на интерпретации фактов современной жизни. Этот вывод подтверждается и результатами исследования, проведенного в Калининградской области в 2016 г. с использованием методики проекта “World Values Survey” (Инглхарт, Вельцель, 2011). Регион, как и Россия в целом, занимает промежуточное положение на шкале ценностных ориентаций между полюсами традиционализма и современности (Кузнецов, 2017). Здесь по-прежнему сильно наследие советской системы, предполагавшей единство человека и государства, препятствовавшей изменениям идентичности и наказывавшей за нарушение запретов. Наблюдаемая сегодня в области борьба с “германизацией” укладывается в ту же логику навязывания, запретов и подчинения (Алимпиева, 2014). Хотя консервативность общества обеспечивает определенный запас социальной прочности, выбранный идеологический курс содержит в себе риск догматизма, а значит и символического

опустошения политики, сохранения видимости согласия при отсутствии убеждений.

В-третьих, контент-анализ интервью показал появление и укрепление новых нарративов, акцентирующих принципиально иные взгляды на жизнь. При условии массового распространения они способны привести к значимым социальным сдвигам, поскольку выводят выбор самоидентификации из плоскости политизированных “истин”, не конфликтуя с ними. Так, острое чувство особенности калининградского социума обретает баланс в ощущении сходства с другими россиянами и открытии российского культурного единства, отрицание советских ценностей — в интересе к семейной истории, настороженное отношение к немецкому наследию — в разговоре о нем как среде собственной жизни, и прочее. Будучи производной от повседневной практики, а не государственной идеологии, рефлексивность склеивает мозаику противоположных взглядов, работая как механизм совмещения несовместимого и поддерживая дискурсивное равновесие. Однако возникают риски иного рода.

Сосредоточенность на себе и своем “я” влечет за собой ослабление представлений о социальных обязательствах и гражданского самосознания. Этот тренд отчетливо фиксируется в российском обществе. По словам Валерия Федорова — руководителя ВЦИОМ, “люди российские, в отличие от людей советских, интересуются не событиями в мире, а собой, своей семьей, максимум — населенным пунктом, где они живут. Все остальное существует для них в телевизоре, в новостях ...” (2008, с. 61). О феномене “открепления” от общества пишет и Энтони Гидденс (Giddens, 1991), указывая, что в современном мире индивиды выдвигают чрезмерные запросы к окружающим, уклоняясь при этом от предъявляемых им требований. Обретая свободу от социальных обязательств и заботы об общем благе, они оказываются пленниками своих желаний и заложниками поиска удовольствий.

Можно подумать, что подобные рассуждения имеют малое отношение к Калининградской области, однако многие наши собеседники называли отличительной чертой калининградцев своеобразный гедонизм. По их мнению, эта особенность выражалась не только в любви к комфорту, но и в склонности связывать представления о “нормальной жизни” с практикой поездок в соседние европейские страны, воспринимаемые как огромный супермаркет и ярмарка развлечений. Важно и другое: сюжет гедонизма вскрывает социальное и мировоззренческое расслоение калининградского социума. Согласно опросам, две трети жителей области крайне редко бывали за

границей и имеют весьма среднее материальное положение¹¹, так что их гедонизм вероятнее всего ограничивается обычными житейскими радостями. Это дает основание предположить, что между теми, кто живет в мире традиционных представлений, авторитетов и лояльностей, и теми, кто разделяет ценности индивидуализма, существуют глубокие различия в образе мысли и взглядах на жизнь. Наши эксперты, несомненно, принадлежали к более современной части калининградского социума. Именно в этой среде произошли трансформации, описанные в статье, и именно эта среда продуцирует сдвиги в дискурсивном контексте формирования калининградской идентичности. Однако, фиксируя изменения, мы ничего не можем сказать о влиятельности нового мировоззрения и степени его проникновения в общественное сознание. Можно высказать осторожное предположение: достигнутый калининградским социумом уровень плюрализма мнений не позволяет рассуждать об идентичности калининградцев в терминах социального консенсуса, но он обеспечивает ей необходимую степень гибкости и устойчивости за счет баланса различающихся представлений и частичного преодоления постсоветского нигилизма. Насколько прочным является такое равновесие, сказать затруднительно, поскольку оно всегда может быть нарушено борьбой между усилиями по удержанию идентичности в рамках традиционных государственных представлений и рефлексивной практикой современного общества, в котором индивид не связывает себя обязательствами следовать предписаниям и аскриптивным социальным отношениям.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-05-00697 “Калининградская идентичность в трансграничном и кросс-культурном контекстах” (полевые исследования), а также в рамках ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-14) “Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности” (аналитика).

FUNDING

The work was carried out in the Institute of Geography RAS with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-05-00697 “Kaliningrad Identity in cross-border and cross-cultural contexts” (field research), and within the framework of the state-ordered

¹¹ Дрейф общественного мнения или калининградцы 16 лет спустя. 2019. Исследовательская компания “КМГ”. http://kmggroup.ru/wp-content/uploads/2019/09/Forgo_doc.pdf (дата обращения 13.11.2020).

research theme of the Institute of Geography RAS, project no. 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-14) “Problems and Prospects of the Russia’s Territorial Development in Terms of Its Unevenness and Global Instability” (theoretical part of the work).

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторский коллектив признателен всем экспертам, проявившим заинтересованность в исследовании и согласившимся принять в нем участие, отвечая на многочисленные вопросы.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors are also grateful to all experts who took part in the study.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов С.И., Сазин В.С.* Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989–2015 годов // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 32–50.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>
- Алимниева А.В.* Калининградцы: проблема социальной идентичности // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США / под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд. БФУ им. И. Канта, 2003. С. 169–176.
- Алимниева А.В.* Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области) // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2014. Вып. 11. С. 60–66.
- Алимниева А.В.* Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журн. 2009. № 7. С. 36–40.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград: Изд. РГУ им. И. Канта, 2011. 139 с.
- Берендеев М.* “Кто мы?": Калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 127–132.
- Вендина О.И.* Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием. Ч. 2: Города на современных границах Российской Федерации // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 4. С. 7–26.
<https://doi.org/10.17323/usp1420167-25>
- Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю.В. Костяшова, 3-е изд. Калининград: Изд-во “Калининградская книга”, 2018. 364 с.
- Гаврилова К.А.* Чудь на Пинеге и в окрестностях: 5+ жизней одной спорной категории / Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К.Ле Торри-велика. М.: Изд-во “Горячая линия – Телеком”, 2018. С. 271–337.
- Гуревич П.С.* Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4: “Человек в поисках идентичности”. С. 63–87.
- Дробищева Л.М.* Гражданская идентичность как условие ослабление этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 7–31.
- Задорин И.В.* Регионы “рубежа”: территориальная идентичность и восприятие “особости” // Полития. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Калашников К.Н., Будилов А.П.* Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 513–519.
- Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001–2004 гг. // Регион сотрудничества. 2004. № 6. С. 4–43.
- Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82–87.
- Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
- Кретьинин Г.В.* Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 12. С. 61–66.
- Кузнецов И.М.* Вариативность дискурса патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. № 7. С. 164–171.
- Кузнецов И.М.* Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47–55.
- Лёвкина Ю.Ю., Алимниева А.В.* Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. Вып. 12. С. 89–96.
- Мартынова М.Ю.* К истории формирования этнокультурных стратегий калининградцев // Этнокультурные процессы Гродненского Помеманья в прошлом и настоящем. Минск, 2014а. С. 407–424.
- Мартынова М.Ю.* Калининградцы: геополитические вызовы и региональная субкультура // Геополитический журн. 2014б. № 3. С. 2–20.
- Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А.* Геополитическое положение калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестн. Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018б. № 3 (17). С. 128–144.
- Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А.* Этнокультурная ситуация и идентичность населения Калининград-

- ской области // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018а. С. 323–349.
- Федоров В.В. Популярный вариант идентичности // Экономические стратегии. 2008. № 3. С. 60–67.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. 635 с.
- Шахов В.А. Калининградский эксклав: социокультурная парадигма “русского острова” Юго-Восточной Балтии // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4А. С. 774–783.
- Шахов В.А. Кто мы?: русские Принеманья или российские балты. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 134 с.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Alexander J. Critical Reflection on “Reflexive Modernization” // Theory, Culture & Society. 1996. Vol. 13. № 4. P. 133–138.
- Archer M. Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Univ. Press, 2007. 352 p.
- Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Traditions and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford CA: Stanford Univ. Press, 1994. 228 p.
- Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
<https://doi.org/10.1023/a:1007068714468>
- Chaffee D. Reflexive Identities // Routledge Handbook of Identity Studies / E. Elliot. (ed.). Routledge, 2019. P. 118–129.
<https://doi.org/10.4324/9781315626024-7>
- Craib I. Experiencing Identity. London: Sage, 1998. 208 p.
- Erikson E. The Problem of Ego-identity // J. of the American Psychoanalytic Association. 1956. № 4. P. 56–121.
- Giddens A. Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford Univ. Press, 1991. 256 p.
- Klemeshev A., Fedorov G., Fidrya E. Specific Kaliningrad Character of the Russian Identity // Bul. of Geography. Socio-economic Series. Toruń: Nicolaus Copernicus Univ., 2017. № 38. P. 47–55.

Identity of the Kaliningrad Oblast Inhabitants: The Impact of Social Beliefs on the Choice of Self-Identification

O. I. Vendina^{1,*}, A. A. Gritsenko^{1,**}, M. V. Zotova^{1,***}, and A. S. Zinovyev^{2,****}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

*e-mail: vendina@igras.ru

**e-mail: antgritsenko@igras.ru

***e-mail: zotova@igras.ru

****e-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Highlighting the ideologically significant factors but paying little attention to the personal beliefs and mind-sets are common for publications considering the identity of the Kaliningrad Oblast inhabitants. At best, the authors refer to local myths and stereotypes. To address this shortcoming, we suggest considering the identity as a reflexive construction, strengthened by narratives and controlled by social practices. The paper is aimed to show how the refocusing of thinking of social reality was affecting the Kaliningrad Oblast's society during the last decade and to reveal its impact on the self-identification of Kaliningrad Oblast inhabitants. The research is based on the interviews carried out by the authors in the summer of 2020. The results of the content analyses of the text materials were compared with the data of previous surveys and research. The analysis reveals that the two opposing cultural phenomena are essential for the regional society: the first is “outdating,” a reflection on the current processes and changes in terms which are relevant for previous periods; and the second is “outsourcing,” an introduction of the narratives and practices typical for the post-modern society. The authors hypothesize that the current level of pluralism achieved by the regional society, as well as the combination of the traditional and modern values, provide the necessary resilience for the identity of the Kaliningrad Oblast inhabitants and make it possible to consider this identity as a driver of the regional development. Nevertheless, the current balance is fragile, and it can be threatened by the discrepancy between the politics of identity retention, managed by the traditional state-oriented tools, and the reflexivity of modern individuals, which are weakly regulated by traditions, social prescriptions, or ascriptions. This hypothesis requires further verification.

Keywords: Kaliningrad Oblast, identity, reflexivity, narratives, values, socio-cultural context

REFERENCES

- Abylkalikov S.I., Sazin V.S. The main results of migration processes in the Kaliningrad region according to the census and microcensus data of 1989–2015. *Baltiiskii Region*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 32–50. (In Russ.). doi 10.5922/2079-8555-2019-2-3
- Alexander J.C. Critical reflection on “reflexive modernization”. *Theory Cult. Soc.*, 1996, vol. 13, no. 4, pp. 133–138.
- Alimpieva A.V. Kaliningraders: the problem of social identity. In *Identichnost' v kontekste globalizatsii: Evropa, Rossiya, SShA* [Identity in the Context of Globalization: Europe, Russia, the USA]. Kaliningrad: Balt. Fed. Univ. im. Kanta, 2003, pp. 169–176. (In Russ.).
- Alimpieva A.V. Social identity in the context of cultural diversity: search or imposition? (on the example of the Kaliningrad region). *Vestn. Balt. Fed. Univ. im. I. Kanta*, 2014, no. 11, pp. 60–66. (In Russ.).
- Alimpieva A.V. Social identity of Kaliningraders in the social and geopolitical context. *Pskov. Regionol. Zh.*, 2009, no. 7, pp. 36–40. (In Russ.).
- Andersen B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso Publ., 1991. 224 p.
- Andreichuk N.V., Gavrulina L.M. *Fenomen kaliningradskoi regional'noi subkul'tury (sotsial'no-filosofskii i kul'turologicheskii analiz)* [The Phenomenon of the Kaliningrad Regional Subculture (Socio-Philosophical and Cultural Analysis)]. Kaliningrad: Ross. Gos. Univ. im. Kanta, 2011. 139 p.
- Archer M. *Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. Cambridge Univ. Press, 2007. 352 p.
- Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Traditions and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1994. 228 p.
- Berendeev M. “Who are we?”: Kaliningraders in search of identity. *Sotsiol. Issled.*, 2007, no. 4, pp. 127–132. (In Russ.).
- Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity”. *Theory Soc.*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 1–47. doi 10.1023/a:1007068714468
- Chaffee D. Reflexive identities. In *Routledge Handbook of Identity Studies*. Routledge, 2019, pp. 118–129. doi 10.4324/9781315626024-7
- Craib I. *Experiencing Identity*. London: Sage, 1998. 208 p.
- Drobizheva L.M. Civil identity as a condition for the weakening of ethnic negativism. *Mir Rossii*, 2017, no. 1, pp. 7–31. (In Russ.).
- Erikson E.H. *Identity: Youth and Crisis*. W.W. Norton Publ., 1968. 336 p.
- Erikson E.H. The problem of ego identity. *J. Am. Psychoanal. Assoc.*, 1956, vol. 4, no. 1, pp. 56–121.
- Fedorov V.V. A popular variant of identity. *Ekonomicheskie Strategii*, 2008, no. 3, pp. 60–67. (In Russ.).
- Gavriloza K.A. Chud' on Pinega and in the vicinity: 5+ lives of one controversial category. In *Svoi i chuzhye. Metamorfozy identichnosti na vostokey zapade Evropy* [Ours and Others. Metamorphoses of Identity in the East and West of Europe]. Moscow: Goryachaya Liniya — Telecom Publ., 2018, pp. 271–337. (In Russ.).
- Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford Univ. Press, 1991. 256 p.
- Gurevich P.S. The problem of human identity in philosophical anthropology. In *Voprosy Sotsial'noi Teorii* [Problems of Social Theory]. Vol. 4: *Chelovek v poiskakh identichnosti* [Human in Search of Identity]. 2010, pp. 63–87. (In Russ.).
- Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. Simon and Schuster Publ., 2005. 444 p.
- Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge Univ. Press, 2005. 344 p.
- Kalashnikov K.N., Budilov A.P. The contours of the socio-cultural identity of the inhabitants of the Kaliningrad region. *Epokha Nauki*, 2019, no. 20, pp. 513–519. (In Russ.).
- Klemeshev A., Fedorov G., Fidyra E. Specific Kaliningrad character of the Russian identity. *Bull. Geogr. Socio-Econ. Ser.*, 2017, vol. 38, pp. 47–55.
- Klemeshev A.P., Fedorov G.M. Kaliningrad society: according to the results of sociological surveys in 2001–2004. *Region Sotrudnichestva*, 2004, no. 6, pp. 4–43. (In Russ.).
- Kostyashov Yu.V. *Sekret'naya istoriya Kaliningradskoi oblasti: ocherki 1945–1956 gg.* [The Secret History of the Kaliningrad Region: Essays 1945–1956]. Kaliningrad: Terra Baltika Publ., 2009. 352 p.
- Kostyashov Yu.V. Settlement of the Kaliningrad region after the World War II. In *Gumanitarnaya nauka v Rossii* [Humanitarian Science in Russia]. Moscow, 1996, vol. 2, pp. 82–87. (In Russ.).
- Kretinin G.V. About the origins of the formation of the historical memory of the inhabitants of the Kaliningrad region (1945–1960). *Vestn. Balt. Fed. Univ. im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, 2015, no. 12, pp. 61–66. (In Russ.).
- Kuznetsov I.M. Value orientations and socio-political attitudes of Russians. *Sotsiol. Issled.*, 2017, no. 1, pp. 47–55. (In Russ.).
- Kuznetsov I.M. Variation of the discourse of patriotism in the everyday consciousness of Russians. *Vlast'*, 2016, no. 7, pp. 164–171. (In Russ.).
- Lovkina Yu.Yu., Alimpiyeva A.V. Discourses of identification and the problem of constructing identity. *Vestn. Balt. Fed. Univ. im. I. Kanta*, 2015, vol. 12, pp. 89–96. (In Russ.).
- Martynova M.Yu. Kaliningraders: geopolitical challenges and regional subculture. *Geopoliticheskii Zh.*, 2014b, no. 3, pp. 2–20. (In Russ.).
- Martynova M.Yu. On the history of the formation of ethnocultural strategies of Kaliningraders. In *Etnokul'turnye protsessy Grodnenskogo Poneman'ya v proshlom i nastoyashchem* [Ethnocultural Processes of the Grodno Neman Region in the Past and Present]. Minsk, 2014a, pp. 407–424. (In Russ.).
- Martynova M.Yu., Grigor'eva R.A. Ethnocultural situation and identity of the population of the Kaliningrad region. In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow: IEA RAN, 2018a, pp. 323–349. (In Russ.).
- Martynova M.Yu., Grigor'eva R.A. Geopolitical position of the Kaliningrad region and life strategies of its young residents: Risk assessment. *Vestn. Diplomaticheskoi Ak-*

- ademii MID Rossii. Rossiya i Mir*, 2018b, vol. 17, no. 3, pp. 128–144. (In Russ.).
- Shakhov V.A. Kaliningrad exclave: sociocultural paradigm of the “Russian island” of the South-Eastern Baltic. *Kul'tura i Tsivilizatsiya*, 2017, vol. 7, no. 4A, pp. 774–783. (In Russ.).
- Shakhov V.A. *Kto my?: russkie Prineman'ya ili rossiiskie balty* [Who Are We?: Russians of the Neman region or Russian Balts]. Kaliningrad: Yantarnyi Skaz Publ., 2002. 134 p.
- Vendina O.I. Border cities: A test of ethno-cultural diversity. Part 2: Cities on the modern borders of the Russian Federation. *Gorodskie Issled. i Praktiki*, 2016, vol. 1, no. 4, pp. 7–26. (In Russ.). doi 10.17323/usp1420167-25
- Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev: Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh* [Eastern Prussia through the Eyes of the Soviet Settlers: The First Years of the Kaliningrad Region in Memoirs and Documents]. Kostyashov Yu.V., Ed. Kaliningrad: Kaliningrad. Kniga Publ., 2018, 3d ed. 364 p.
- Zadorin I.V. Regions of the “frontier”: Territorial identity and perception of “specialness”. *Politiya*, 2018, vol. 89, no. 2, pp. 102–136. (In Russ.).